один день

23 февраля 1971 6 ноября 1971 6 ноября 2011 12 ноября 2011

Сценарий фильма

Часть 1.

Е. Желинский. Фантазия на тему песни В. Гаврилина «Любовь останется».

Всё это дело началось на Бакунинской улице.

Приезжаем на станцию Бауманская, поднимаемся по эскалатору и выходим на улицу.

Из письма Кадрие от 28 августа 1971 года. Сначала вроде заголовка: большими буквами.

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. НЕ ХОЧУ С ТОБОЙ РАССТАВАТЬСЯ. НИ СЕЙЧАС. НИ ЧЕРЕЗ ГОД. НИКОГДА. И НЕ МОГУ. БЕЗУМНО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. БУДЬ МОЕЙ ЖЕНОЙ, КАДРИЯ.

...Как долго ты не писала! Целых десять дней тебя нет рядом. Целых десять дней ты в моих мыслях. Как заноза, ей богу. И вытащить невозможно. И не хочется. Ты одна сидишь в моей голове, а всё остальное, что пытается туда влезть — как заноза...

Почему ты всё время поёшь эту песню? Про гусей-лебедей, талую воду. Или это я её всё время напеваю про себя? Но тогда почему твоим голосом? И поётся эта песня без музыки, вместо музыки — стук колёс. Мы стоим в тамбуре электрички, ветер бьёт нам в лица, и ты поёшь эту песню, а я смотрю на тебя и... натыкаюсь на людей в метро и спотыкаюсь на улице.

Надо написать о последних событиях, наверное. Много всяких событий. Я не болею. В институте дали тему для научной работы. Очень интересно, перспективно и много всего. Сегодня было собрание лаборатории. Ближайшие годы наша лаборатория будет делать математическое обеспечение одной машины. Меня подключили к одному товарищу. Такой аккуратный, в галстуке, выглаженных брюках. Гладко выбрит, аккуратно подстрижен, в очках, с красивой папкой в руках. Но толковый мужик, кажется. Будем делать монитор. Чего это такое — понятия не имею. Навалил мне этот интеллигент целый воз литературы — теперь читать надо. Скучно это. Потом программы всякие писать, на машине работать.

Конец цитаты.

Вот здесь когда-то был Гавриков переулок, узенький такой.

А теперь третье кольцо, широченное.

А за ним – бывший дворец пионеров и школьников.

Вот здесь, кажется, за этим окном я познакомился в 61 году с Петром Николаевичем Коропом, журналистом «Техники-молодёжи» и сценаристом научно-популярного кино.

Он стал моим самым близким другом на многие годы, до самой своей смерти в 83 году.

Нашим общим с Кадрией другом.

Чтобы дальше идти по Бакунинской, придется спуститься в подземный переход.

Из письма Кадрие.

Я говорил о тебе с Петей. Может быть, тебе неприятно, что я ему говорил? Но ведь он так хорошо к тебе относится. Он считает тебя «своей в доску», и во всех наших замечательных планах ты у него проходишь в самый узкий круг. Я опасался, что он, узнав о моём желании жениться на тебе, прочтёт мне отходную. Хотя это и не изменило бы совсем ничего, но мне было бы неприятно, потому что ведь мы всегда очень хорошо понимали друг друга. Ты знаешь, что он сказал? Он, конечно, сначала всячески оговаривал, что советы никому не давал, не даёт и давать не собирается, а просто высказывает своё мнение, исходя из своего опыта и своего знания меня и, теперь уже, тебя.

Он сказал: я бы в такой ситуации не стал бы разглядывать пятна на солнце, а плюнул бы на всё и пошёл напрямую... Тем более, что Кадрия — это ты лучше меня знаешь, человек исключительный. И потерять такого человека, это очень хреново».

Вот так почти дословно он выражался.

Конец цитаты.

Ну вот мы и подошли к дому 57. Видите эти деревья? Там и стоял наш дом. Там я родился. Ага, вот и я — с мамой.

Эта фотография сделана в школьном саду около красной кирпичной стены нашего дома.

Красная стена смотрит в школьный сад.

Она смотрит, как в окружении цветущих яблонь и груш на высоком постаменте красуется строгий серебряный бюст Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда Иосиф Виссарионович умирает, бюст падает с постамента и остаётся лежать на клумбе. Иосиф Виссарионович лежит внизу, уткнувшись носом в чёрную землю школьного сада.

Мало кто заходит в школьный сад, а за ветвями цветущих яблонь и груш постамент не виден. Дети забираются на постамент и стоят там вместо Сталина.

Красная стена смотрит на это в Начале лета года Красной обезьяны.

Вон за тем окном, справа от Ленина, мы с Кадриёй и познакомились. Но по порядку.

Часть 2.Vangelis. Themes - The Tao Of Love.

Когда я был маленький, я познакомился с военным китайцем.

Это было в летнем лагере артиллерийской академии имени Дзержинского, где работала моя мама.

В Москве китаец пришёл к нам в гости.

Он подарил мне закладку для книг, с кисточкой.

А бабушка по ошибке угостила его вместо водки уксусом. Поэтому он быстро ушёл.

А вся коммунальная квартира переживала — как бы не вышел международный скандал.

Вот это Рукунов переулок. У меня есть стишок.

В Рукуновом переулке Во дворе седого дома Старый тополь бросил тень.

В той тени сидел китаец Опечаленный донельзя От того, что слишком выпил Нехорошего вина.

Он потом домой вернется, Нарисует горы-воды, И в беседке над обрывом Будет долго созерцать.

И тогда напишет гатху На углу своей картины

Про вино и тень, и тополь Во дворе седого дома В Рукуновом переулке,

Где обрел он просветленье Неожиданно совсем.

Часть 3.Vangelis. Themes - L'Enfant.

Заглянем в дом 57.

Вот угол Бакунинской улицы и Рукунова переулка.

Около него – я ещё помню – стоял гранитный столб для привязывания лошадей.

Зайдём в парадную дверь и поднимемся по лестнице на второй этаж.

Вот коридор одиннадцатой коммунальной квартиры.

Где-то здесь была кухня.

А где-то здесь были две комнаты, в которых я жил до Кадрии. С бабушкой, мамой и сестрой. Бабушка потом умерла.

... А, Ирина! Привет!

Осенью 70-го года в нашей квартире появился Лёня Калинович.

Он снимал комнату.

Мы с ним подружились.

Лёня учился в Институте стали и сплавов, в одной группе с Кадриёй.

И вот 23 февраля 71 года у него собралась студенческая группа.

Там я Кадрию первый раз и увидел.

После Лёни мы жили в той же комнате, когда поженились.

С небольшим перерывом.

А когда Кадрия познакомила Лёню со своей школьной подругой Галей, они тоже поженились.

В 91-ом они уехали в Израиль, правда, успев побывать в Липовке в 90-м. Тогда же мы познакомились с братом Лёни, Игорем и его женой Ириной.

Но это я забегаю вперёд.

И хотя, когда я делал этот фильм, перед моими глазами, как перед смертью, прошла вся наша жизнь, моя цель — рассказать только об одном дне.

В начале сентября 1971 года, в конце Бакунинской улицы.

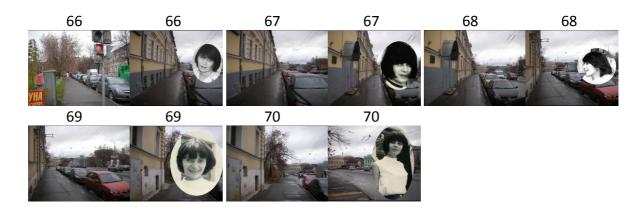
Осталось недолго.

24 августа, Кадрия отдыхает с родителями на Украине, в Кадиевке, у родственников.

Она простудилась, у неё высокая температура.

Она пишет мне в письме какое там жуткое Солнце, Солнце-Ярило.

Его лучи – как бормашина. А её саму будто прокатили на стане сквозь какие-то фантастические валки.

Светофор показывает 71-ый год.

Кадрия пишет:

Я очень хотела бы, чтобы ты здесь был, Игорь. У тебя бы была холодная рука. Ты бы положил её мне на лоб. Я люблю тебя. Ты не обращай внимания на ошибки и на этот бред. Просто мне легче, когда я разговариваю с тобой. Я люблю тебя.

Конец цитаты.

В ответ я написал то самое письмо в две с половиной тысячи слов. И обещал положить руку в холодильник, в заморозку, если она будет недостаточно холодной.

А вот и конец Бакунинской.

Здесь, перед железнодорожным мостом, она соединяется с Большой Почтовой улицей.

Дом 38 сохранился.

Здесь Кадрия жила у старушки Нины Петровны, когда училась в институте.

Вот из этого окна я как-то раз вылезал ранним утром, чтобы не потревожить соседей по коммунальной квартире.

Прямо в объятия милиционера. Кадрие пришлось объяснять, что я не вор.

Часть 4.Vangelis. Main Theme from Missing. (с 78-го слайда).

Вход в дом со двора. Здесь всё изменилось.

Вот эта дверь была на уровне земли, а лестница – внутри. Здесь мы стояли и смотрели, как падает снег в феврале 71 года.

В конце Бакунинской, напротив дома 38 по Почтовой, находится маленький садик.

В глубине – церковь Покрова Богородицы в Рубцове. В 71-ом там располагалась русская хоровая капелла.

Этот садик я знаю с детства.

Я и родился-то рядом с ним — за железной дорогой, в Романовской больнице.

Я отправил своё письмо 28 августа по трём адресам, где могла быть Кадрия.

Она возвращается в Москву, не получив ни одного письма.

Я даю ей последний, четвёртый экземпляр.

Говорю: иди, читай, через час встретимся в садике.

Вот здесь мы и встретились.

Вот в этом углу.

Только тогда здесь не было строительной свалки.

Сидели на этой лавочке. Ну, не на этой, на другой, конечно, но здесь же.

Свадьба у нас была в Москве, 6 ноября.

Мы вообще-то хотели 7-го, но в загсе на нас как-то странно посмотрели и сказали: Вы с ума сошли? — наверное, так и было — Все будут с флагами на демонстрацию идти, а вы — жениться?

Надпись: «смешные свадебные фотки». (голос не звучит)

Надпись: «Ну, очень смешные свадебные фотки». (голос не звучит)

Надпись: «Ну, очень смешные свадебные цифры». (голос не звучит)

Из письма Кадрии:

Милый, ты постарайся воспринимать это не очень серьёзно.

Часть 5.

Марши 92-го Печёрского полка, «Гренадёр», Преображенского полка.

Ну, вот, времени больше нет, а про друзей ничего не сказал.

Ладно: хотя бы по слайду.

Напомнить о том, о сём.

Витя и Таня. (Онучаки)

Что же мне им напомнить?

Конечно, Липовку – хотя они ведь её никогда и не забывают.

А что же ещё?

Йеменских фотографий у меня нет, Муданцзяньских тоже...

Разве что вот это фото.

Никого не напоминает?

Опять Витя и Таня. (Шнитман)

Напоминаю: мы давно вместе в загранку не ездили.

А ведь так здорово было!

И ещё напоминаю: вы этим летом Липовку пропустили.

Безобразие!

И вообще – надо больше двигаться!

Таня и Саша

Вон как Саша с Таней танцует.

И ещё с кем-то.

И на свежем воздухе бывают.

А вот Липовку летом тоже пропустили – напоминаю.

И нечего тут, Александр Сергеевич, думать – было бы ошибкой.

И руками тоже не надо вот так разводить.

Александр Николаевич и Людмила Петровна

Вот Александр Николаевич с Лилей – люди серьёзные.

Руками не разводят – чтобы не расплескать.

Устали – посидят, отдохнут.

Можно и полежать немножко.

Помечтать.

Но всё же Липовку-то не забывайте!

Там грибы по вам соскучились.

Серёжа и Вера

Вера-Серёжа! Мы в этом году в Липовку в июне ездили? Ездили! А в 91-ом году? Тоже ездили!

А двадцатилетний юбилей отметить забыли. Непорядок.

Вера-Серёжа! Мы когда в Китай-то опять поедем?

Тебя, Серёжа, в Улинъюане девушка ждёт – песни попеть.

А В Липовке – мужики. Для того же самого.

Серёжа и Лена

А ты Серёжа — редиска, нехороший человек. Ты почему до сих пор Лену в Липовку не свозил. Я, конечно, понимаю, что ты очень занят. Но вот я тебе напомню одну, ну очень старую, фотографию. Видишь, Лена, какой он был.

Игорь и Ирина

Ты чего, Игорь, загрустил?
Видишь, какая Ира весёлая?
Это потому, что она в Липовке была.
Дома у вас, конечно, хорошо.
И в Тарусу мы тогда славно съездили.
Но все же мы вас ждём в Липовку обоих.
Вы там подумайте, посовещайтесь.

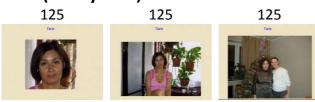
Саша (Сократыч) и Галя

Саша и Галя!

Докладываю: ваш дом в Липовке ещё стоит. А чего ему будет – он же каменный. И нечего, Александр Сократыч, мне кулак показывать. Бери с Гали пример – видишь, какая хорошая.

Галя (Аликулова)

Галя! У меня есть всего две ваших фотографии.

Одна - летняя.

И одна – зимняя.

Но мы с Кадриёй всё равно вас очень любим.

Неизвестный русский художник Александр Белугин

Говорю стихами:

Александр Белугин - начальник над всей живописью.

Он - в засаде с примкнутою острою кистью. Как увидит какой-нибудь женственный торс, Он в атаку идет как какой-нибудь Щорс. Как увидит какой-нибудь девушки личико, Он напишет ее непременно без лифчика.

Вера (Сажина) и Серёжа

Опять ведь стих!

О Вере Сажиной Легенды слажены А может, сложены Как в ножны вложен Клинок таланта Дамасской стали И маской стали Смех и печали Мех на плечах Лицо в вуали В ладонях-птицах Клинок лучится И голос снится И голод жить А может, шить Из тонкого ситца Красивые фенечки И разные венечки А может, веночки Те, что из ромашек Надевают на голову Чтобы волосы По ветру струились С севера на юг И рождался звук Которого не бывает Который рождается Живет и умирает В тишине похожей На острие клинка...

Вера-Серёжа! Мы рады, что вы с нами.

Алла

Алла! А ты ведь в Липовке вообще не была. Чего ты руками разводишь. Не оправдывайся. Ага – стыдно стало.

Да ладно, мы всё равно тебя любим.

Наташа

Наташка!

Я тебе про Липовку говорить не буду.

Это ведь ты нас туда направила.

Железной рукой.

Спасибо тебе.

Я надеюсь, ты сегодня не на машине?

Петь-играть будешь?

Давай, не ленись!

Мы тебя любим слушать.

И подпевать.

Люда

Люда, Люда, Люда...

Ты наша старая боевая подруга.

Ну, ладно, не ругайся – совсем и не старая.

А вот эту фотку помнишь?

Чего ты смеёшься?

Слушаюсь! Перехожу к следующему слайду!

Маша 131 131 131

131

Опять стишок.

Пусть утонет в речке мячик, Пусть бычок с доски - бултых! Как красиво Маши плачут -Залюбуешься на них...

Чего то я напутал, кажется. Тогда другой стишок.

Поэтессе, строчившей лимерики, Я дарил по ошибке материки. А она сразу в крик: - Я хочу матери́к! Доходило до слёз и истерики.

Не, сегодня плакать не будем – будем веселиться. Правда, Маша?

Катя

А тебе, Катя, я напомню Липовку.

Старицу.

Помнишь, как мы её проплыли – из конца в конец.

А это помнишь, где?

Правильно, в «Подвале».

Сыграешь?

Ирина и Саша

Наконец, Ира и Саша.

Заждались уже?

Я вас на сладное оставил.

Ну, тебе, Саша, я традиционно напоминаю Липовку.

Зеленушки, дороги и всё такое.

Ну, а тебе что напомнить, сестрёнка?

Может быть, Бакунинскую?

Или летний лагерь артиллерийской академии имени Феликса Эдмундовича Дзержинского?

Надо же, когда-то мы помещались под столбиком.

КОНЕЦ

Ну, чего ещё говорить-то.

Мы всех вас любим и рады вас видеть.

в фильме прозвучала музыка:

Е. Желинский. Фантазия на тему песни В. Гаврилина «Любовь останется».

Vangelis. Themes - The Tao Of Love. Vangelis. Themes - L'Enfant. Vangelis. Main Theme from Missing. Марш 92-го Печёрского полка. Марш «Гренадёр». Марш Преображенского полка.